

Дана Хадсон
Когда догорает закат

Дана Хадсон

Когда догорает закат

«Дана Хадсон»

2010

Хадсон Д.

Когда догорает закат / Д. Хадсон — «Дана Хадсон», 2010

Ник Тайлер на званом вечере случайно слышит возмутительный разговор, напрямую касающийся его: Джулиус Бэрд, тот самый, у которого он покупает завод по изготовлению микрочипов, дает поручение своей прелестной спутнице сделать все возможное, чтобы цена была повышена на несколько миллионов... Джоанна так и делает. Во всяком случае, Ник в этом уверен. Он пытается повернуть ситуацию в свою пользу и поступает с девушкой жестоко... Но все оказывается не так, как ему представлялось...

© Хадсон Д., 2010

© Дана Хадсон, 2010

Содержание

1	6
2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Дана Хадсон

Когда догорает закат

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

1

Водитель остановил машину в конце нескончаемого ряда дорогих машин, припаркованных вдоль длинного трехэтажного дома в стиле короля Георга. Из них осторожно, стараясь не помять праздничных нарядов, выбирались приглашенные, главным образом степенные пары средних лет, и неторопливо шагали к высокому подъезду под массивным портиком с раззолоченным фронтоном.

Из подъехавшей машины вышел высокий, надменного вида мужчина в сидевшем на нем как влитой черном с глянцевым отливом смокинге. Ослепительная белизна рубашки подчеркивала бронзовый загар и контрастировала с официальной черной бабочкой. Короткая стрижка темно-каштановых волос была сделана опытной рукой настоящего мастера.

Остановившись возле мраморного вазона, полного поздними пурпурными розами с воткнутой в землю эмалевой табличкой «розы старинного английского сорта «Виктория», мужчина пристальным взглядом стальных глаз окинул раскинувшееся перед ним ухоженное поместье. Сделав для себя какие-то не слишком приятные выводы, передернул плечами и быстрыми шагами пошел к дому по дорожке, выложенной серой декоративной плиткой.

В фойе с высоченными расписными потолками и пестрыми витражами над входом, рассыпавшими по полу непочтительных разноцветных зайчиков, возле белоснежной мраморной колонны гостей встречала почтенная чета Нельсон, пригласившая по поводу шестидесятилетия главы семейства в свое поместье весь цвет ливерпульского общества.

Лорна Нельсон, благодаря нескольким пластическим операциям и строгому образу жизни в свои почти шестьдесят не выглядевшая и на сорок, старательно изображала радужную хозяйку. Увидев новое лицо, исподтишка оглядела мужчину и чисто по-женски пожалела, что ей уже далеко не тридцать. Показав безукоризненные зубы, невольно вызвавшие у гостя крамольные мысли о незаурядном мастерстве ее дантиста, с ввевшимся в кровь кокетством пригласила:

– Проходите, проходите, мистер Тайлер! Как приятно видеть в нашем захолустье настоящих королей бизнеса из столицы!

Гиффорд Нельсон, растянув рот в фальшиво благодушной улыбке, поддержал жену, протягивая навстречу дорогому гостю обе руки:

– Добрый вечер, Ник! Надеюсь, скучать в нашем обществе вам не придется, ведь вы сможете приобрести уйму полезных знакомств. Простите, что мы с женой не сможем прямо сейчас представить вас гостям, но вы и сами найдете среди собравшихся несколько знакомых лиц.

Не споря, Ник Тайлер молча поклонился и, провожаемый заинтересованными взглядами собравшихся, прошел в огромный зал. Встав посередине, принялся расслабленно изучать пеструю толпу. Он ничуть не был подавлен или напуган сновавшей вокруг блестящей публикой, громкой музыкой и сверканием бриллиантов – напротив, казался изрядно раздраженным. Взяв с подноса проходящего мимо официанта бокал шампанского, он с плохо скрытой досадой пробурчал себе под нос:

– Если бы я знал, что «маленький» прием будет таких размеров, я бы никогда сюда не приехал. Шума и суеты мне хватает и в Лондоне...

Попробовав шампанское и найдя его отвратительным, он нахмурился еще больше и уныло уставился в широкое французское окно, выходящее в сад. Оно было распахнуто настежь, и в него то и дело заходили небольшие группы гостей, возвращавшихся в дом после прогулки по темнеющему саду. Ник равнодушным взглядом рассматривал их, скучая все больше и больше.

У него возникла крамольная мысль потихоньку выскользнуть в это самое окно, обогнуть дом, сесть в ожидавшую его машину и улизнуть. Он даже сделал шаг, намереваясь перейти к ее осуществлению, когда его внимание внезапно привлекла заскочившая в зал высокая, очень тоненькая девушка. Вернее, даже не она, а ее непринужденный звонкий смех, так не подходящий к окружавшей их церемонной обстановке.

Девушка задорно смеялась, оглядываясь назад и призывно маша кому-то рукой. Ее яркие голубые глаза казались еще ярче от шелковистой черноты скрученных во французский узел волос. Точное лицо девушки было таким нежно-милым, что Ник с грустью припомнил портреты утонченных британских аристократок прошлых веков. А он-то был уверен, что такие лица в их прагматичный век давно перевелись...

На девушке было изысканное кремовое платье из тонкой шерсти. Мягкая ткань подчеркивала крепкую грудь, серебристый пояс стягивал узенькую талию. По подолу платье было обшито широким серебристым узором, из-под которого выглядывали изящные серебряные босоножки.

Платье показалось Нику слишком уж строгим для такой юной девушки – длинные рукава облегли руки до самых запястий. На фоне полуобнаженных дам она выглядела чопорной пуританкой. Но он тут же одернул себя – какое ему дело, как одевается в Ливерпуле золотая молодежь?

Он отхлебнул из бокала согретшегося и ставшего совершенно безвкусным шампанского и чуть не подавился – в этот момент девушка повернулась к нему спиной. Ничего пуританского сзади не было. Ее гладкая, покрытая золотистым загаром спина была обнажена до самого пояса. Он судорожно сглотнул и вдруг понял, что отчаянно хочет провести ставшими невозможно горячими ладонями по этой слишком уж завораживающей спинке.

Осознав свое желание, Ник удивился еще больше. Никогда прежде он не знал такого острого, обжигающего желания. Внезапно ему захотелось подхватить незнакомку на руки и унести подальше от этого помпезного зала. Он на мгновение прикрыл глаза из-за возникшей в голове яркой, потрясающе реальной картины: она в его объятиях, и он, с восторгом смакуя ее потрясающе чувственные губы, прижимает ее так, что каждая клеточка его тела ощущает теплоту ее кожи.

Уставившись воспаленным взглядом на стоявшую в опасной близости от него точеную женскую спину, Ник не сразу заметил возникшую подле девушки новую физиономию. Но, заметив, зло чертыхнулся и сделал быстрый шаг назад, стараясь скрыться за колонной.

Джулиуса Бэрда он не хотел видеть стопроцентно. Он и без того был вынужден любоваться его смазливой физиономией целую неделю, с самого понедельника. В окружении своих дотошных адвокатов они обсуждали условия продажи небольшого завода по изготовлению микрочипов в южной части Ливерпуля, «ЭйБиСи индастриз», перешедшего к Бэрду по завещанию деда. Чтобы получать хорошие деньги, нужно и трудиться хорошо, а избалованные мальчишки вроде Джулиуса хотят все и сразу, и уж, естественно, не пачкая при этом свои холерные руки, – поэтому, едва вступив в права наследства, Бэрд выставил завод на продажу.

Тайлер и Бэрд с трудом пришли к соглашению во всем, кроме одного, но самого важного пункта – денег. Джулиус хотел слишком много. Пусть завод был недавно модернизирован и приносил неплохую прибыль, но все равно нуждался в солидных финансовых вливаниях, и запрошенная Бэрдом сумма намного превосходила реальные расчеты. Поэтому они решили отложить дела до понедельника, чтобы за выходные детально обдумать все еще раз.

Ник надеялся, что в этот уик-энд он уж точно будет блаженствовать в тишине и покое, ведь в Ливерпуле его практически никто не знает. Он вполне заслужил блаженное ничегонеделанье долгими месяцами непрерывной работы. И вот вместо долгожданного отдыха это нелепое приглашение от старого знакомого родителей, от которого он не смог отказаться, боясь

огорчить мать, и как довершение неудачной недели эта нежеланная встреча с тупым и заносчивым Джулиусом...

На парне был черный фрак, делавший его похожим на опереточного героя, и перекраш-маленная манишка, сидевшая на нем колом. Правда, хозяин вечера и некоторые из гостей тоже были во фраках, но на них-то они смотрелись гораздо органичнее, чем на Бэрде, может быть потому, что они были взрослыми людьми и не стремились, как Джулиус, по-мальчишечьи выделиться из толпы.

Стараясь остаться незамеченным, Ник осторожно перешел в ту часть зала, где народа было побольше, и, пользуясь своим высоким ростом, принялся незаметно рассматривать веселую пару, не слишком вежливо игнорируя любопытные взгляды окружающих.

Они казались полностью несовместимыми. Прелестная незнакомка была такой нежной, изящной и воздушной, что Джулиус рядом с ней казался решительно неуклюжим. На фоне яркого сияния ее густых угольно-черных локонов волосы Бэрда, забранные в серый мышинный хвостик, выглядели просто жалко. Джулиусу было лет двадцать пять – двадцать семь, а вот ей – тут Ник немного призадумался, оценивая возраст девушки, – около двадцати. Кто они? Любовники? Или солидная помолвленная пара? Что не родственники – очевидно: уж слишком они друг на друга не похожи. Да и относятся друг к другу слишком любовно – вон как Джулиус по-хозяйски обхватил ее тоненькую талию.

Ник не понял, почему его и без того не слишком хорошее настроение упало еще ниже. Неужели из-за того, что эта милая, так понравившаяся ему девчонка уже пристроена? Конечно нет, ему же почти тридцать три, он давно не глуповатый мальчишка с неконтролируемыми гормонами...

Но что же тогда заставляет его так пристально следить за беззаботной парой? Стараясь не искать ответ на сей провокационный вопрос, настойчиво задаваемый подсознанием, он бесшумно перебрался к ним поближе, с некоторым сарказмом представляя себе охотником за осторожной дичью, и неприлично прислушался, желая все-таки узнать степень их близости. Уже стала различима каждая фраза и он было решил, что сейчас все выяснит, когда, руша его далеко идущие планы, его окликнул вкрадчивый голос. Раздраженно обернувшись, он поморщился про себя – перед ним оказался Стэффорд, один из адвокатов Бэрда.

Солидный мужчина в темном костюме скованно поздоровался и церемонно протянул руку, до которой Ник едва дотронулся.

– Извините, что своим появлением напоминаю вам о надоевших делах, но мне показалось, что вы несколько скучаете. Не возражаете, если я вас кое с кем познакомлю? Если сделка состоится, вам придется бывать в Ливерпуле довольно часто и здешние деловые знакомства лишними не будут.

Учтиво с ним согласившись, Ник позволил увлечь себя к группе почтенных бизнесменов, обсуждавших очередное повышение цен на нефть. Включившись после представления в общий разговор, он сделал несколько толковых замечаний и по тихому гулу одобрения понял, что местные воротилы приняли его в свой круг.

Но говорить с умным видом прописные истины было не в его характере, и он постарался поскорее сбежать, сделав вид, что ему необходимо переговорить с хозяйкой дома. Его провожал не один заинтересованный взгляд, и, чтобы не вызвать ненужного раздражения, Ник действительно перекинулся с миссис Нельсон парой фраз, сдержанно выразив ей восхищение удачным вечером. Когда к ней подошел следующий гость, с поклоном прекратил разговор. Протиснулся к буфету, где положил себе несколько кусочков стерляди под каким-то умопомрачительным соусом, и, отгораживаясь тарелкой, как щитом, отошел подальше от желающих обменяться с ним мудрыми мыслями об индексе Доу-Джонса.

Вольно или невольно, но он вновь оказался неподалеку от Джулиуса Бэрда с его спутницей и исподтишка взгляделся в тонкий профиль девушки. Положив изящную руку на локоть

своего кавалера, она смотрела на него с мягкой иронией и явно не одобряла того, что он ей внушал.

Томимый странным возбуждением, причину которого ему очень хотелось определить, Ник осторожно подобрался к ним еще ближе и, воспользовавшись тем, что они не смотрели по сторонам, пристроился сбоку, для конспирации повернувшись к ним в профиль.

Джулиус каким-то неприятным скрипучим тоном с надсадой объяснял:

– Ты никогда меня не слушала, все всегда делала по-своему!

Девушка легко согласилась:

– Конечно. Поэтому мы и живем сейчас довольно сносно. Если бы я не вмешивалась в твои авантюры, мы давно бы превратились в каких-нибудь шаромыг и жили в картонной коробке под мостом или на скамеечке в парке.

Бэрд надменно поморщился.

– Вечно ты преувеличиваешь. Но сейчас я говорю серьезно: если мне удастся продать дедово наследство за необходимую мне сумму, я смогу купить то поместье в Озерном краю. Ты же понимаешь, как это для меня важно. И заняться коневодством. Сама знаешь, насколько это выгодно.

Откинув голову назад, девушка насмешливо рассмеялась.

– Да это просто твоя очередная блажь. Ну каких лошадей ты будешь там разводить? Это же не то, что наблюдать за скачками в Альпаке! Коневодство – это очень сложно! Нужно иметь специальные знания, а их у тебя нет и никогда не будет!

Джулиус еще больше напыжился и холодно возразил:

– Там есть знающие люди, так что не спорь зря. Лучше помоги уломать этого скрягу, Николаса Тайлера. Пусть добавит к предложенной им сумме каких-то пару миллионов – и дело в шляпе. Для него это пустяки, он же мультимиллионер, перед ним наши сегодняшние хозяева просто мелкие землевладельцы, что-то вроде фермеров. И ты сможешь каждый день начинать с бешеной скачки по полям, как и любишь... – Тут Джулиус рассеянно посмотрел по сторонам, и Ник, не желая обнаруживать себя, был вынужден сделать осторожный шаг назад. Не увидев того, кого искал, Бэрд развязно пообещал: – Подожди, вот он попадет в поле зрения, я тебе его покажу. Эта вечно юная старушенция, миссис Нельсон, сказала мне, что он здесь. И не вздумай отказываться – тебе это так же выгодно, как и мне.

Ник напряжился. Что это? Неужели Джулиус каждый раз подкладывает свою подружку в чужую постель, чтобы обработать нужных людей? Или он что-то неправильно понял? Он подвинулся еще на шаг ближе, стараясь не пропустить ни слова.

Девушка шумно вздохнула.

– Ну вот, лишь только запахнет жареным, так ты сразу бежишь ко мне за помощью. А сам говоришь, что я ни на что не способна.

Бэрд неприятно засмеялся.

– Да прямо! Кое на что ты очень даже способна. Например...

На что конкретно способна его спутница, Нику узнать так и не пришлось – к парочке подошли молодые люди и принялись откровенно заигрывать с девушкой, вызывая недовольные замечания Джулиуса.

Ник отошел подальше, ожесточенно раздумывая, как же ему быть. В душе забушевало такое адское пламя из досады, разочарования и гнева, что он решил: если эта особа и впрямь начнет его убеждать, причем вполне определенным образом, он противиться не будет. Пусть продемонстрирует ему весь спектр, он уверен, своих немаленьких возможностей. Тем более что он вовсе не прочь увидеть ее в своей постели. Но как же эта сладкая парочка будет разочарована, когда он, невзирая на все усердие этой милашки, не поднимет цену за их заводик ни на один фунт!

Зло сощурившись, Ник вышел в сад через то же французское окно, через которое в зал вбежала девушка. Над строгими дорожками регулярного сада медленно садилось солнце, окрасив верхушки тщательно подстриженных деревьев неестественным багровым цветом. По спине Ника пробежал неприятный озноб, будто этот закат обещал кардинальные перемены в его жизни. Распрямив плечи, он постарался стряхнуть с себя дикое ощущение. Это просто усталость и досада, и ничего больше. Ведь не каждый же день его собираются охмурить на пару миллионов фунтов...

Остановившись перед тихо журчащим фонтаном, он поднял голову и посмотрел на медленно затухающее зарево. Становилось темно, и в парке зажглись спрятанные в густой траве фонарики, придавая ему сказочный вид. Убегающие вдаль аллеи, усеянные электрическими светлячками, почему-то напомнили Нику сказки Льюиса Кэрролла. Только вот никакой Белый Кролик не появится из травы и не увлечет его за собой, а жаль...

С невидимого за парком моря потянуло свежестью. Похолодало, но Ник рассеянно стоял на том же месте, упрямо заложив руки за спину и неведь чего выжидая. И дождался. Мимо, не заметив его в тени густого бука, пробежала подружка Джулиуса. Уверенный, что она разыскивает его, Ника, он презрительно выпятил нижнюю губу, но, немного поколебавшись, все же сделал шаг вперед, выйдя на освещенное место.

Заметив его, девушка чуть слышно вскрикнула. На губах Ника появилась желчная усмешка. Делает вид, что не ожидала меня здесь встретить, хотя наверняка не раз обежала парк, разыскивая меня. Прекрасная актриса, молнией пронеслось в его мозгу. Подойдя к ней, он молча поклонился.

– Вы кого-то ищете? Я вам не помешаю? – Его тон был равнодушно холоден, так же как и он сам.

Девушка неуверенно оглянулась, будто опасаясь погони, и смущенно хихикнула.

– Нет, я никого не ищу. Уж скорее скрываюсь. Пол иногда бывает совершенно невозможен. Особенно когда хватит лишку.

Почему-то Нику совершенно не хотелось узнавать, кто такой Пол, и он невежливо перебил.

– Может быть, пройдемся? – И, указав взмахом твердого подбородка на высвеченную голубоватыми фонариками дорожку, предложил даме руку.

Чуть поколебавшись и вновь опасливо оглянувшись, девушка все-таки положила свою узкую ладонь на его согнутый локоть, и они чинно пошли по посыпанной мелким речным песком дорожке.

От нее шли невидимые, но от этого не менее ощутимые женские флюиды, и Ник сжал зубы, стараясь подавить невольную дрожь, идущую откуда-то из самого его естества. Поскольку никогда раньше ничего подобного не чувствовал, он разумно связал это странное состояние со скромно идущей рядом девушкой. Похоже, что она прекрасно знает свое дело. Недаром Джулиус так уговаривал ее заняться им, Тайлером, в полной уверенности, что это поможет увеличить стоимость своего заводика. Видимо, у нее огромный опыт по обольщению недалёких мужиков. От этой мысли Ник закрипел зубами и чуть было не скинул со своей руки ее безвольно лежащие пальцы, но, переведя на нее изучающий взгляд из-под прикрытых век, передумал. На сей раз, то ли спасая ее от холода, то ли прикрывая слишком уж откровенный вырез, на ее точеные плечи была накинута легкая вязаная шаль с длинным, почти волочащимся сзади концом, завязанная впереди свободным узлом, что делало ее похожей на цыганку со старинных гравюр.

Мечтательно вздохнув и посмотрев на него томным взглядом, спутница заметила:

– Мы смахиваем на дам и кавалеров, прогуливавшихся здесь лет двести назад. Если не считать мой несколько вольный наряд, то очень похоже.

Он постарался придать своему взгляду слегка озадаченное выражение.

– Почему вы решили, что ваш наряд не соответствует обстановке?

Она слегка призадумалась. В самом деле, на фоне гораздо более оголенных дам в зале она не выглядела неприлично.

– Он не обстановке не соответствует, а моему внутреннему ощущению. Я в нем себя неловко чувствую – только и всего.

Ник невольно поинтересовался:

– И почему это? Привыкли к джинсам и футболке?

Открыто улыбнувшись, девушка легко согласилась:

– Вы правы. Для меня это слишком уж романтический наряд. Да и откровенный. Я же не на пляже, чтобы так открывать спину.

Ник резонно заметил:

– Если он вам не нравится, то зачем вы его надели?

Она слегка поколебалась, не зная, стоит ли говорить такие личные вещи совершенно незнакомому человеку, но чем-то он ее к себе расположил, и она ответила откровенно – так, как сказала бы старому другу:

– Просто я оказалась здесь сегодня совершенно случайно. Ничего другого под рукой не было, вот и пришлось надеть. Бывает же такое?

С Ником никогда ничего подобного не случилось, поэтому он неопределенно хмыкнул, скрывая недоверие.

Почувствовав это, она горько рассмеялась.

– Вот видите, вы не верите. Пол тоже решил, что я натянула это милое платьишко с одной-единственной целью – соблазнить его, бедняжку.

Ник вновь поморщился. Для чего она твердит об этом мифическом Поле? Чтобы заставить его поверить, что у нее от поклонников отбоя нет? А если это правда, то у Бэрда с подружкой очень свободные отношения...

Стараясь соблюсти все положенные формальности, Ник хотел представиться девушке первым, но раздумал. Для чего? Она и без того знает, кто он такой.

Молча шли по аллее, любуясь искусно подсвеченными старыми деревьями, обретшими в лучах чуть мерцающего света необычный, сказочно-дикий вид. Явно угнетенная продолжительным молчанием и таким открытым несоблюдением традиций, девушка, с легким укором посмотрев на неразговорчивого спутника, решила на вольность и скованно представилась первой:

– Меня зовут Джоанна... – Она запнулась и неловко добавила: – Джоанна Смит...

Тайлер засмеялся про себя с изрядной долей издевки. Ничего менее банального на ум не пришло? Но, сохраняя серьезную мину, ответил:

– А я Дэниел. Дэниел Николс. – Это было почти правдой, поскольку звали его Дэниел Николас Тайлер, поэтому винить ему себя было не за что. Почти...

Ник был уверен, что она тотчас его разоблачит, но Джоанна – или как там ее? – сделала вид, что верит каждому его слову, и с милой улыбкой повернулась к нему.

– А что вы делаете у Нельсонов? Не скучно вам?

Послушно играя в предложенную ему игру, он галантно ответил:

– Было скучно. Но теперь нет.

Джоанна пытливо всмотрелась в его лицо, ища следов насмешки. Не найдя, чуть слышно прошелестела:

– Если это не пустая галантность, то должна признаться вам в том же. Но я вообще не люблю эти светские вечеринки. Единственное, что мне всегда нравилось здесь, это старинный парк. Он очень красив в любое время года. И я больше всего люблю раннюю осень.

Нику было решительно все равно, какое на дворе время года, но Джоанна смотрела на него с таким ожиданием, что он невольно подчеркнул общность их предпочтений:

– Я тоже люблю осень. Что-то в ней есть такое... трогательное... – Он хотел добавить «как вы», но сдержался. В этой девице все видимость, не больше... И осторожно предложил: – Ну, если мы так симпатизируем друг другу, почему бы нам не перейти на «ты»?

Она вздрогнула и скованно спросила:

– А вам не кажется, что это преждевременно?

Ну что ж, если ей хочется, чтобы он ее убедил, он с удовольствием это сделает.

– Я думал, вы, как и я, считаете это простой формальностью. Но, если вам не по душе такая фамильярность...

Она смущенно его прервала:

– Да нет, что вы... Мне и брат всегда говорит, что я жутко несовременная и нужно быть проще. Так что я с удовольствием принимаю ваше, то есть твое, предложение. «Ты» так «ты»...

Это прозвучало у нее на редкость неуверенно, и Ник снова восхитился столь тонкой игрой. Похоже, для того чтобы она перешла к более решительным действиям, ему нужно намекнуть, что он скоро уезжает. Он так и сделал:

– С тобой очень приятно, но я в Ливерпуле по делам и скоро мне уезжать. Может быть, ты расскажешь мне о городе побольше?

Ему показалось, что она нервно вздрогнула. Но, может, ей просто холодно? Одета она явно не для прогулки по вечернему парку.

Держась за его локоть, Джоанна задрала голову и, не отвечая на его вопрос, посмотрела на выступающие в небе чистые звезды.

– Как красиво... Небо синее-синее, почти фиолетовое, и крохотные огоньки на нем... – Тут она запнулась и охнула. – Боже мой! Я, кажется, сломала каблук!

Ник чуть не рассмеялся вслух. Какой затасканный трюк! Но весьма действенный, надо признать. Теперь ему как истинному кавалеру полагается взять ее на руки – и он, естественно, вдохновится близостью женского тела. В знании мужской психологии ей не откажешь. Так же как и в знании расхожих приемчиков...

Не дожидаясь, пока она осматрит свой каблук, он подхватил ее на руки и донес до причудливой формы скамейки. Осторожно усадив ее на край, сел рядом в почти неприличной близости и закинул руку на спинку скамейки, чувствуя тепло ее чуть прикрытых шалью плеч.

– Ну как? – спросил для проформы, глядя, как она, сморщив лоб, рассматривает стяннутую с ноги туфлю.

– Конечно, если в бальных туфлях гулять по камням, то рано или поздно такое произойдет. Что ж, придется выбросить. Только вот как теперь добраться до дома?

Эти слова так походили на безотчетные мысли вслух, что казались естественными. Ник вновь чуть не расхохотался. Чудесенько! Так все обкатано, что сразу понятно – он явно не первый в длинной череде обработанных подобным образом кавалеров. Нейтрально поинтересовался:

– Мне показалось, что ты здесь с Джулиусом Бэрдом?

Отметая его предположение, Джоанна с плохо скрытым недовольством небрежно махнула рукой.

– Ну да, но он уже уехал. У него дела, и он не мог сидеть здесь со мной так долго. Я думала уехать с Полом, но он ведет себя так неприятно. Но ничего страшного, я вызову такси.

Тайлер предложил, давась от смеха:

– Я на машине. Если хочешь – подвезу.

По его мнению, девица неприкрыто обрадовалась скорости реализации своего коварного замысла.

– Что ж, прекрасно! Я живу прямо у въезда в город, тебе и сворачивать никуда не придется. Спасибо!

Он вкрадчиво предложил:

– Может быть, поедem прямо сейчас?..

По его мнению, Джоанна должна была бы обрадоваться, но она явно расстроилась. Быстро залепетала, непонятно отчего сконфузившись:

– Вы спешите? Извините, я и не подумала, что вам некогда. Я сейчас...

Она попыталась встать, но он удержал ее за локоть.

– Во-первых, я никуда не спешу – просто думал, что торопишься ты. Во-вторых, мы же договорились перейти на «ты». Забыла?

Ему послышался обрадованный вздох, но возможно, что это ему просто почудилось. Хотя кто знает, что у нее запланировано на сегодня. Но явно не постель, это блюдо наверняка приготовлено на завтра, чтобы посильнее подогрелось. А сегодня что? Пара поцелуев для затравки?

Повернувшись к нему всем телом, Джоанна благодарно прошептала:

– Конечно, извини... Просто, когда я смущаюсь, я говорю вовсе не то, что нужно. Не обращай внимания на мои оговорки, пожалуйста!

Заверив ее, что он и не думает этого делать, Ник стал ждать продолжения разыгрываемого перед ним спектакля. Вокруг, как большие светлячки, мягко, не затмевая все крепнувший свет далеких звезд, светили фонарики, невдалеке вкрадчиво звучал фонтан, мягко пахло отцветающей резедой, и Ник с внезапной примесью странной горечи подумал, что антураж для его соблазнения подобран безупречно. Вспомнив обещание Джулиуса устроить скачки по поместью, вкрадчиво спросил:

– Ты любишь лошадей?

Джоанна с какой-то тайной скорбью посмотрела вокруг.

– Я очень люблю ездить верхом, а вот ухаживать за ними совсем не умею. Немножко боюсь, наверное.

В голове у Ника нелицеприятно мелькнуло: да не лошадей ты боишься, а за свои белые ручки.

Не подозревая о недобрых мыслях собеседника, Джоанна сокрушенно заметила:

– Но скоро этому придет конец. Нельсоны продают поместье, и больше мне верхом не ездить...

Он догадался о том, что не было сказано.

– Они разрешали тебе ездить верхом на своих лошадях?

– Ну да. Их три – Колокольчик, Резеда и Коралл. Это просто домашние клички, а имена у них очень помпезные – и не выговоришь. Они же арабские скакуны...

Ник неожиданно для самого себя спросил:

– А тебе хотелось бы жить здесь? Или в подобном месте?

Озадаченно оглядевшись, она неуверенно ответила:

– Да... Нет... Не знаю.

Ник разочарованно заметил:

– Это не ответ.

Джоанна неожиданно улыбнулась улыбкой умудренной опытом женщины и призналась:

– Я очень хочу жить в подобном поместье, необязательно здесь. Там, где веет истинным духом времен, если вы меня понимаете. Чтобы идти по огромному, заросшему столетними деревьями парку и чувствовать себя звеном в нескончаемой цепи древнего рода... – Спыхватившись, виновато улыбнулась. – Но мечтать о несбыточном просто глупо. Хорошо уже то, что мне повезло довольно часто бывать здесь. – И угасающим голосом добавила: – И лошади... Они просто чудо...

Неожиданно Нику захотелось привезти ее в свой загородный дом и оставить там навсегда. Но вот в качестве кого? Осознав эту бредовую идею, он даже положил руку себе на лоб, дабы убедиться, что лихорадки у него нет. Что на него так действует? Может быть, это место заколдовано? Конечно, он не верит во всякую ерунду, но тем не менее...

Не заходя в дом, чтобы не прощаться с хозяевами, они вышли на шоссе из маленькой дверцы в высокой изгороди. Джоанна шла медленно, опустив голову, будто прощаясь со старым верным другом. Ее печаль была так ощутима, что у него самого защемило сердце.

– Ты часто здесь бываешь?

– Часто. Хотя нужно сказать «бывала». В прошедшем времени. Я теперь живу в Ливерпуле и приезжаю сюда крайне редко.

Ник подумал, что Нельсоны слишком уж неподходящая компания для такой юной девушки, и недоумевающе спросил:

– Кто из них тебя приглашал?

Она неловко пожала плечами.

– Да никто, пожалуй. Просто я привыкла, что могу приходить сюда, когда захочу. Никто не протестовал... – Видя вопрошающий взгляд Ника, торопливо пояснила: – Мой дед дружил с ними, а после развода родителей и я к ним как-то прибилась. Они хорошие люди...

– А где твои родители сейчас?

– Мать в Австралии со вторым мужем, а отец в Испании, у него там свое дело, третья жена и дочь. А мы с братом остались с дедом.

Поскольку после откровений Джоанны было бы странно не поинтересоваться ее сегодняшним положением, Николас спросил:

– А что дед?

– Умер. – В ее голосе появилась болезненная звенящая нотка, и Ник не решился спрашивать дальше.

Они подошли к его машине, и обрадованный недолгим ожиданием водитель шустро устремился им навстречу. Распахнув дверцу перед дамой, он заслужил от нее благодарную улыбку, и Ник, негодуя на самого себя, почувствовал что-то вроде идиотского укола ревности. Устроившись рядом с девушкой, вдохнул ее нежный аромат и пожалел, что им так недолго ехать вместе. Но, мысленно успокоил он себя, скоро они встретятся снова и их встреча будет гораздо более продуктивной...

Скосив глаза в сторону Джоанны, он завороченно замер, изучая отражение ее тонкого профиля на темном окне автомобиля. Почувствовав его взгляд, она смущенно заерзала и, повернувшись к нему, внезапно благодарно улыбнулась. От этой улыбки у Ника что-то ёкнуло глубоко внутри – и он вдруг понял, что не хочет с ней расставаться.

Но, когда по ее указке они затормозили подле двухэтажного особняка, он враз пришел в себя и сурово нахмурился. Это был дом Джулиуса Бэрда, он проезжал мимо него как-то раз. По спине тут же прошел отрезвляющий холодок. Что он делает? Его примитивно провели, рассказав трогательную сказочку, и он, как доверчивый малыш, тут же зашмыгал носом. А Джоанна, весьма опытный кукловод, умело дергала за веревочки, спрятанные в его душе так глубоко, что он и не подозревал об их существовании.

Разозлившись на весь белый свет, Ник вышел из машины вслед за Джоанной и решительно зашагал к дому. Она испуганно прошептала, будто боясь, что ее могут подслушать:

– Что вы, не надо! Я прекрасно доберусь сама, мне здесь ничто не угрожает...

Он недобро хмыкнул, стараясь сдержать злость и недовольство двусмысленной и странной ситуацией, в которую ввязался. Все-таки авантюриста, испытывающего наслаждение от хождения по острию ножа, из него никогда не получится.

– А разве ты не хочешь пригласить меня на чашечку кофе? К тому же мы еще не договорились о том, где встретимся завтра...

Она непонятливо повторила:

– Встретимся завтра?

Ник небрежно подколол:

– Что, ты уже раздумала показывать мне Ливерпуль? Тебя не привлекает роль гида или тебе не нравится спутник?

Распахнув дверь дома, из которого хлынул поток слепящего после темноты света, она тихо призналась:

– Ты мне нравишься... Очень... Но что может быть интересного в Ливерпуле, если живешь в Лондоне? Не знаю... Старая часть города после пожара, устроенного войсками Кромвеля, почти не сохранилась. Позже он строился вокруг заводов, и, как большинство подобных городов, грязный, шумный и неприятный. Если честно, я его почти не знаю...

– Почему? Ты же в нем живешь?

Джоанна помолчала, и ему вновь показалось, что она пытается что-то скрыть. Но скрывать-то поздно, он и так о ней все знает – пустышка, живущая за счет своего богатенького дружка...

– Да живу-то я там совсем недавно... – И неловко замолчала.

Этот неопределенный ответ ничего не прояснял, но Ник настаивать не стал. Не хочет говорить – не надо. Иногда нежелание говорить гораздо более красноречиво, чем долгая, нескончаемая болтовня.

Смирившись с настойчивостью Ника, Джоанна сделала приглашающий жест, и на правах гостя он первым вошел в широкий холл.

– А где же ты отдыхаешь? Здесь? Или в имении Нельсонов?

– Не только. Я люблю ходить под парусом.

Ему показалось, что он ослышался.

– Под парусом? У тебя есть яхта?

Подойдя к лестнице, ведущей наверх, Джоанна нахмурила брови, что-то прикидывая, и ответила не сразу.

– Ну да. Правда я не очень хороший мореход и одна в море не хожу. Я ты любишь море?

Ник никогда не задумывался, что он любит, а что нет. На подобные пустяки никогда не хватало времени. Сухо признался:

– Наверное, больше всего я люблю свою работу.

Она невольно заинтересовалась:

– А кем ты работаешь?

Вспомнив, что в настоящий момент он никому не известный Дэниел Николс, Ник вскользя ответил:

– Я предприниматель. – И, чтобы отвести интерес от своей персоны, быстро спросил: – Что это за здание? Похоже на постройку семнадцатого века...

Они одновременно задрали головы и посмотрели на темные дубовые балки над своими головами.

– Ну да. Раньше здесь был трактир. В девятнадцатом веке мой прадед его купил и отреставрировал. С той поры практически ничего и не меняли, если не считать сантехники.

Ник с изрядной долей иронии подумал, что уж ткань, которой были обтянуты стены, поменять-то стоило – от ее первоначальной окраски ничего не осталось, да и сама она вся посеклась. Но критиковать чужой дом было бы верхом дурного тона, и он нейтрально проговорил:

– Здесь уютно...

Вспомнив об обязанностях хозяйки, Джоанна стремительно отправилась в глубь здания по узкому мрачному коридору. Распахнув дверь в довольно приличную квадратную комнату с лежащим посередине иранским шерстяным ковром, включила свет и указала гостю на удобный кожаный диванчик, стоящий около окна.

– Подожди меня здесь, я сейчас приготовлю кофе, а то миссис Филиппс уже ушла...

Но Ник не захотел сидеть здесь в одиночестве.

– Не возражаешь, если я к тебе присоединюсь? – С этими словами он пошел дальше, не оставляя ей выбора.

В самом конце коридора, как и полагалось в старинных трактирах, располагалась кухня. Средних размеров, она была облицована древней, кое-где раскрошившейся от времени плиткой с полустертым пасторальным рисунком. На толстенных дубовых полках строго по ранжиру выстроились сверкающие медные кастрюли. От огромной, литров на сто, которую на эту полку явно втаскивало несколько дюжих мужиков, до маленькой, на полтора. Тут же под полками висели начищенные до зеркального блеска сковородки, которыми давным-давно никто не пользовался.

Джоанна кинулась к вполне современному на вид электрочайнику, набрала в него воды и, поставив на подставку, нажала на кнопку. С сомнением посмотрев на свое неудобное длинное платье, быстро кинула:

– Извини меня, я сейчас! – и опрометью выскочила из помещения.

Оставшемся в одиночестве Нику захотелось выпить чего-нибудь покрепче, чем предлагавшееся на вечере шампанское, но, не рискуя хозяйничать в чужом доме, он присел на приземистый табурет за длинный стол, стоящий посередине квадратной кухни, и огляделся.

Старина здесь соседствовала с современностью, и он, с одобрением вдохнув густой, настоящий на острых приправах воздух, прислушался к себе. Внутри бродили удивительные для него чувства. Странная смесь из нежности, досады и желания. Это ему не понравилось, и он постарался заглушить их, занявшись неотложными делами.

Посмотрев на часы, решил, что время еще не столь позднее, чтобы не дать несколько поручений своему личному секретарю. Нисколько не удивившись неурочному звонку, неутомимая Кейт записала все его поручения и бодро пообещала исполнить их при первой же возможности. Ник Тайлер уже хотел набрать номер своего заместителя, чтобы и тому дать кое-какие указания, но не успел.

Дверь бесшумно распахнулась, и, удивив гостя быстротой своего появления, на пороге возникла Джоанна, но уже в джинсах, майке и с забранными в хвост пышными волосами. Она казалась спокойнее и увереннее в себе, хотя и стала похожа на школьницу. Ник скучно подумал, что, встретить он ее на улице в таком наряде, никогда не обратил бы на нее внимания. Девчонка девчонкой. Но теперь даже и в таком, непритязательном, виде Джоанна оказалась столь желанна для него, что он подобрался, стараясь держать себя в руках и не поцеловать ее в пухлые, так манящие его губки. Не стоит опережать события. В конце концов, кто кого должен соблазнить?

Девушка двигалась по кухне с неосознанной грацией, и Ник не мог оторвать от нее взгляда. Поставив на стол сахарницу и пакетики со сливками, она принялась доставать кофейные чашки из высокого, стоящего в противоположном углу шкафчика, для чего ей пришлось вытянуться на цыпочках и вскинуть руки. От этого невинного жеста ее грудь, не стянутая лифчиком, поднялась, резко обозначив соски, и Ник нервно сглотнул, с неожиданной застенчивостью опустив глаза, почувствовав, как от напряжения у него начинают мелко подрагивать руки. И не только они. Пришлось признать, что подобное испытание оказалось ему не по силам.

Поставив перед гостем чашку с кипятком, Джоанна смущенно извинилась:

– Прости меня, но настоящего кофе я приготовить не смогу. Если честно – просто не умею. Но у нас есть хорошие сорта растворимого...

Ник вспомнил фразу любимого им в детстве героя из повести шведской писательницы Астрид Линдгрен «Малыш и Карлсон»: «Поведешься с вами и научишься есть всякую гадость» – и сухоато усмехнулся. В данном случае, правда, было «пить», а не «есть», но смысл от этого не менялся.

С тщательно скрываемым отвращением гость выпил полчашки кисловатого пережженного кофе и, сочтя эту уступку вполне достаточной для соблюдения так лелеемых хозяйкой приличий, приступил к расспросам:

– Так чем ты предлагаешь нам заняться завтра? – И намеренно пропустил мимо ушей ее недовольный вздох: джентльмену полагалось первому предложить даме развлечения. А уж она вольна была выбирать, подходит ей предлагаемое или нет. Но Ник считал, что Джоанна как местный житель вполне может внести в их завтрашние планы свою лепту.

Посмотрев в окно, за которым царила крошечная темь, Джоанна с тайной надеждой предложила:

– Если завтра будет хорошая погода, может, покатаемся на яхте? – И замерла в ожидании ответа.

Ник не представлял, что это за яхта, поэтому немного помолчал, стараясь найти приличную отговорку. Мысль кувыркаться в ненадежном старом корыте посередине моря его совершенно не прельщала.

– У меня нет ничего, чтобы можно было надеть на подобную прогулку.

Она сникла.

– Даже джинсов?

От вида ее понурой фигурки у него что-то зашло внутри, и он стремительно изменил свое мнение:

– Джинсы-то есть, конечно. Если они сгодятся для такого путешествия, то поедем.

Джоанна повернулась к нему и радостно заулыбалась, предчувствуя удовольствие от прогулки, и на сердце у него посветлело.

– Я заеду за тобой завтра к десяти – не против?

Как настоящая яхтсменка, она его не поняла.

– К десяти? Так поздно? Обычно яхты выводят из доков ранним утром, еще до восхода солнца...

Ник укоризненно заметил:

– Чтобы успеть к тебе, мне и так придется встать около восьми. Я считаю, что для субботнего дня этого вполне достаточно. Должен же я хоть иногда выспаться?..

Внезапно покраснев, будто подумав о том, как же он проводит свои ночи, если постоянно не высыпается, Джоанна поспешно согласилась:

– Конечно. Я подожду...

Удовлетворившись ее ответом, он вышел из дома и, даже не пытаясь поцеловать девушку на прощание, махнул ей рукой, сел в машину к терпеливо поджидавшему его водителю и уехал, размышляя по дороге, во что же такое он ввязался и стоит ли овчинка подобной выделки.

2

Ник проснулся будто от толчка в бок. Сна не было ни в одном глазу. Лежать было неудобно и холодно. Выясняя, в чем дело, он приподнялся на локте, оглядывая свою постель. Одеяло валялось на полу, там же лежала и подушка. Простыня была вся смята и комом застряла у него под поясницей. Он пораженно хмыкнул. Ну и ну! Что же ему снилось? Ведь не Третья же мировая война... Во всем теле была крайняя неудовлетворенность, какой он не помнил со времен отрочества. Мышцы затекли и ныли, как после доброй марафонской дистанции. Сочтя безопаснее не вспоминать столь буйный сон, Ник старательно потянулся, заставляя кровь быстрее бежать по жилам. В комнате было сумрачно, рассвет только занимался. Посмотрев на часы, не поверил себе. Протянул руку, поднес часы поближе и даже поморгал, разгоняя легкий туман перед глазами. Ровно шесть! Никогда он не просыпался так рано по собственной воле...

Уныло подумал, что напрасно вечером не послушал Джоанну и не согласился заехать за ней пораньше. Что ему делать целых четыре часа до назначенной встречи? Подняв одеяло и подушку, расправил простыню и, свернувшись калачиком, закрыл глаза, но мысль о предстоящей встрече так будоражила кровь, что заснуть нечего было и пытаться. Пришлось встать, принять контрастный душ, чтобы избавиться от излишнего напряжения в паху, и приготовить чашечку крепкого черного кофе. Настоящего, а не той кисловатой бурды, какой потчевала его вчера Джоанна.

В седьмом часу Ник вышел на балкон и рассеянно посмотрел вокруг. Окрест стояли типовые десятиэтажки, обычные в провинциальном английском городе, перемежаемые небольшими, опять же стандартными скверами. В доме, где остановился Ник, тоже жили самые обычные люди. Можно было, конечно, снять номер в отеле, но он всегда чувствовал себя там на редкость некомфортно. Чужие глаза, чужие уши, при выходе отдавать ключ от комнаты, потом его забирать... Это ему категорически не нравилось. А здесь, в снятой им на пару недель обычной квартире, отдельный вход и возможность приходить и уходить когда вздумается вполне возмещали отсутствие гостиничного комфорта. Кофе он себе может приготовить и сам, а убирает в квартире приходящая раз в день горничная, он ее и не видит. И пусть квартира невелика – каких-то две небольших комнаты и спальня, но на пару недель, что он планировал провести в Ливерпуле, этого ему вполне достаточно. В принципе, он вовсе не прихотлив.

С балкона открывался вид на соседние, ничем не приметные дома, но вставшее солнце грело довольно бодро, небо было чистым, без единого облачка, и, на его непрофессиональный взгляд, погода стояла вполне подходящая для морской прогулки. Он принялся собираться.

Вытащив из кордового чемодана соответствующие пребыванию на яхте черные джинсы и серую тенниску, снова взглянул на часы и недовольно застонал. Прошло всего-то полчаса, хотя ему казалось, что гораздо больше. Если дело пойдет так и дальше, то он просто умрет от томления и скуки. Едва осмыслив это, Ник насторожился, так и не натянув приготовленную тенниску. Томление? Скука? Но ведь это как раз те чувства, что в прежние времена он никогда не испытывал! Он же всегда наслаждался редкими минутами покоя и одиночества! Что же случилось теперь?

Пришлось признаться честно – что уж врать самому себе – случилась Джоанна. Его тянуло к этой девчонке так, как ни к кому в жизни. У него были женщины – как же без них, ведь он вполне нормальный, без всяких отклонений мужчина, – но чтобы из-за них просыпаться ни свет ни заря, да еще и не знать, чем при этом заняться, – такого с ним никогда не бывало.

От сделанного им потрясающего открытия Ник сел в кресло, закинул ногу на ногу и засвистел, пытаясь обдумать свои нелогичные мысли и поступки. Что ж ему делать? Бежать, чтобы не увязнуть еще больше, или выяснить все до конца?

Если честно, он предпочел бы удрать, чтобы не совершить чего-нибудь такого, что заставит его впоследствии пожалеть об авантюре, в которую так неосмотрительно ввязался. Он никогда не шел на поводу сомнительных чувств, считая себя для этого слишком здравомыслящим человеком. А тут – связался с девицей, единственная задача которой – обольстить его, да так, чтобы он выложил ей на тарелочке приличную сумму денег...

Нахмурившись, решил выйти из этой недостойной джентльмена игры и хотел уж было позвонить Джоанне, чтобы отказаться от прогулки, но, вспомнив, что не знает ни адреса, ни телефона, смирился. К тому же разве не он хотел проучить эту парочку так, чтобы впредь nepовaдно было?

Стараясь не обращать внимания на явный разлад в своих чувствах и намерениях, Ник решил ехать к Джоанне. Вполне возможно, что и она уже не спит. Натянул джинсы, тенниску, накинул легкую куртку и вышел, нацепив на нос темные очки, защищаясь от разгорающегося на востоке солнца. Оно всходило как-то неправильно, не со стороны моря, как он привык, и Ник с трудом сообразил, что солнце тут ни при чем, просто Ливерпуль находится на берегу уже не Северного, а Ирландского моря. Представив, какой на море будет потрясающий закат, вновь удивился – его никогда не занимали красоты природы. Усмехнувшись, признал, что и за это ему нужно благодарить вчерашнюю знакомую. Это рядом с ней он стал восхищаться тем, чего прежде никогда не замечал.

Мысль о девушке снова принесла с собой странную горечь, будто она его подло обманула. Но ведь он не позволит ей себя обмануть – почему же столько разочарования? В груди тут же забушевали смешанные чувства – досады и неистового вожеления. Он пожалел, что до вечера еще так далеко. Хотя на яхте они явно будут одни... Это почти неосознанное, но тем не менее жгучее намерение было не слишком порядочно, и Ник принялся срочно искать ему оправдание. А что тут такого, это делают все, и ничего в этом постыдного нет. Накопились гормоны, только и всего. Ведь именно нерастраченные гормоны провоцируют мужчин на разные дурацкие поступки – разве не так?

Когда он наконец вышел из дома, не было и семи часов утра. Несмотря на ранний час, солнце светило вовсю, согревая воздух, и улицы были полны народу. Все куда-то спешили – возможно, на природу или в свои виллы, довольно тесно усыпавшие ровную часть побережья.

Ник завел машину и, с трудом вспоминая дорогу – привык, что за рулем нанятый водитель, – с довольно приличной скоростью погнал к дому Бэрда. Чем ближе он подъезжал, тем настойчивее в голове вертелся гадкий вопрос – обсуждал ли вчера вечером Джулиус со своей подружкой ее успехи в деле его, Ника, охмурения? Ведь это наверняка Бэрд скрывался в доме – а то почему так насторожена была Джоанна? Все ли она рассказывает Джулиусу? Хотя что ей, в принципе, скрывать? Если любовник так охотно делится ее телом ради примитивной выгоды, то он наверняка похвалил ее за проявленное усердие. И наверняка весьма осязаемым образом.

Тут же воспаленное воображение Ника нарисовало ему картинку страстных постельных утех. Это видение было так отвратительно, что он сжал зубы и лишь напряженным усилием воли заставил себя думать о другом.

Без привычных для него городских пробок Ник притормозил у дома Бэрда всего через каких-то двадцать минут. Выйдя из машины, внимательнее, чем прежде, осмотрел здание. Низкое, приземистое, оно производило удручающее впечатление своей тяжеловесной основательностью и безысходной мрачностью. Впрочем, все средневековые здания выглядели соответственно тем нелегким временам. Впрочем, когда времена бывали легкими? И сейчас терроризм, кризисы, преступления...

За домом среди густой еще зелени виднелся рабочий поселок, упирающийся в проходные заводы. И земля, и небольшие, но комфортабельные домики, в которых жили служащие и рабочие заводов, – все принадлежало владельцам «ЭйБиСи индастриз», но менять там по заве-

щанию Бэрда-старшего ничего не разрешалось. Это несколько смущало Ника Тайлера – а если он решит расширить заводские цеха за счет именно этой земли?

Солнце светило все ярче, заставляя окрестных птишек заливаться согласным хором, и Нику, заскучавшему в одиночестве, захотелось постучать в старинный дверной молоток, укрепленный на обитой фигурным железом входной двери. Посмотрев на тонкий золотой «ролекс», украшавший запястье, он с легкой досадой вздохнул. Всего лишь начало восьмого, Джоанна наверняка еще спит...

Но желание услышать ее нежный голос было до того жгучим, что Ник, стараясь успокоиться, с силой провел рукой по немного спутанным от довольно сильного ветра волосам. Ощувив какое-то смутное беспокойство, поднял взгляд. В небольшом круглом окошке прямо над ним на него пялилась явно не верящая своим глазам Джоанна. Заметив, что он смотрит прямо на нее, она широко улыбнулась, помахала ему рукой и отпрянула от окна.

Ник уныло пожевал губами. Сколько ему еще торчать под окнами, прежде чем его изволят впустить? Ей же надо переодеться и привести себя в порядок, прежде чем открыть дверь полупознакому человеку, а на это, как он знал по личному опыту, у женщин времени уходит гораздо больше, чем может вынести его терпение.

Но дверь распахнулась тут же. К удивлению Ника, Джоанна была полностью одета. На ней был голубой топ, оголявший ровный живот, и обрезанные до ягодиц джинсовые шорты с небрежной бахромой по кромке. Не в силах отвести взгляд от ее длинных ног, Ник шумно сглотнул, не понимая, как ему удастся сдерживаться, чтобы не броситься целовать ее до потери сознания.

Ничего не подозревавшая Джоанна, поздоровавшись, предложила ему кофе, но гость с легким испугом отказался. С него было вполне достаточно и вчерашнего угощения.

– Может, лучше заглянем в паб на пристани? Там наверняка есть что-нибудь съедобное, а то я не позавтракал...

На его счастье, она, не предлагая ему завтрак, в съедобности которого он откровенно сомневался, радостно согласилась и, накинув на плечи синюю хлопковую ветровку, села к нему в машину. Увидев, что в салоне никого больше нет, слегка удивилась:

– Ты сегодня за рулем?

Это неверие в его способности слегка задело Ника, и он иронично покосился на недоверчивую пассажирку.

– Сегодня выходной, и мой водитель как полноправный член профсоюза отдыхает. Но должен сказать, что водителей я нанимаю только в незнакомых городах. Не люблю зря терять время, разведывая дорогу. Хотя у меня и в Лондоне есть свой шофер.

Сказал это и мысленно хлопнул себя по лбу. Чего это он расхвастался? Он же обычный, ничем не примечательный бизнесмен – во всяком случае, по теперешнему сценарию. С опаской посмотрел на Джоанну, но та не обратила на его слова особого внимания. Возможно, наивно считала, что в Лондоне без личного водителя никому не обойтись, а может, просто ему подыграла.

Джоанна с рассеянной улыбкой смотрела в окно, и Ник, желая сделать ей приятное, предложил:

– Включить тебе музыку? Что ты предпочитаешь?

Она с некоторым испугом попросила:

– А можно без музыки? Я так люблю шум дороги... И вообще предпочитаю тишину. Хотя сейчас почти у всех шумовая зависимость. Мои соседки без включенного телевизора или, на худой конец, радио жить совершенно не могут...

Ник покосился на нее, не зная, как реагировать на подобное предпочтение. Он, грешным делом, замечал музыку только тогда, когда та замолкала. Настораживала тишина. Не желая признаваться, что он тоже из ущербной когорты шумозависимых, согласно кивнул головой,

даже не обратив особого внимания на ее странные слова о соседках. По его мнению, ей полагалось жить с Джулиусом Бэрдом. Хотя при их таких странных отношениях жить они могут где угодно...

Море показалось быстро. Оно было бескрайним, тяжелого сизо-серого цвета, будто отражало темные тучи, хотя небо над ним было безоблачным. С автострады виднелись даже белые барашки там, где волны тяжело бились о прибрежные скалы. Вдоль всего одетого в серый бетон берега на приколе стояли яхты, шлюпы и совсем маленькие прогулочные лодочки, в которых можно было плавать только вдоль побережья, и то в полный штиль.

Оставив машину на парковке, они отправились в паб, яркая вывеска которого виднелась издалека. Он был почти пуст, и, устроившись за столиком с видом на гавань, они без проблем заказали сосиски с овощами и кофе. Джоанна ела с удовольствием, удивленно крутя головой, из чего Ник сделал вывод, что ей нечасто доводилось бывать в таких плебейских местах. А ему этот простой паб напомнил студенческие годы, когда он с друзьями уезжал из Оксфорда и частенько ужинал в подобных незатейливых забегаловках, где кормили вкусно, сытно и недорого.

Позавтракав, Ник расплатился сам, хотя Джоанна пыталась заплатить за себя сама, и они прошли несколько сот метров вдоль пирса, пока не остановились возле небольшой двухмачтовой яхты довольно приличного вида. На ее выкрашенном белой краской борту сияла надпись «Фортуна». К ним тут же подошел коренастый человек в тельняшке и черных флотских брюках с широким клешем и окинул Ника пристальным, даже чуть вызывающим взглядом. Немного покраснев, Джоанна выдавила:

– Доброе утро, Джейк!

На что получила саркастичный ответ:

– Какое там утро – день на дворе давно! Что-то поздновато вы сегодня. Все ваши соседи давно уже в море.

Пробормотав что-то смущенно-невнятное, Джоанна поблагодарила сторожа за сохранность яхты, и они с Ником перешли по перекинутым мосткам на палубу.

Оказавшись на яхте, Ник надел на нос солнцезащитные очки, спасаясь от слаженного действия воды и солнца. Чуть покачался на ногах, проверяя прочность палубы, и огляделся, выясняя степень благонадежности суденышка. Ничто не указывало на то, что оно пойдет ко дну сразу, стоит им лишь отчалить от берега, и он несколько успокоился.

Единственное, что его удивило, – практически голая палуба. Если не считать пары выдавших виды шезлонгов, сложенных под скамейкой, да упакованного в пластик рулевого колеса, здесь царил первозданная пустота. Ник представлял себе более комфортабельное гнездышко – со столом, стульями, гамаками. Ведь здесь наверняка не раз собирались веселые компании. Где же они размещались? Или, возможно, мебель хранится где-нибудь на берегу в ангаре и извлекается по мере необходимости?

Заметив интерес Ника, Джоанна, чуть смущаясь, предложила:

– Рассказать, как называются снасти?

Он решительно отказался:

– Ни к чему забивать мою бедную голову ненужной информацией. Я и так знаю, где нос, корма и мачта. Большого мне не надо.

Джоанна озадачилась таким странным поведением своего предполагаемого помощника.

– А как же ты будешь исполнять обязанности юнги?

– Тебе вполне достаточно будет ткнуть пальцем в нужную штуковину и сказать: дерни-ка вон за ту веревочку...

Рассмеявшись, она подхватила:

– Дверь и откроется... Ну ладно. Сверни-ка для начала вон тот канат...

Он послушался, и, медленно лавируя между больших, важных яхт, они выскользнули из залива. Вокруг сновало множество самых разных судов – от больших океанских с многочисленной командой до шлюпок с гребцом и пассажиром в одном лице, – и Джоанна действовала с предельной осторожностью.

Ник поблагодарил судьбу за хорошую физическую подготовку – управляться со снастями было вовсе не легко. Теперь он понял, почему Джоанна не ходила в море одна. Хотя на палубе и было достаточно разного рода технических приспособлений, но основная нагрузка все равно ложилась на человека.

Но вот они достигли широкой воды, где не было видно ни одного конкурирующего судна, и Джоанна с облегчением закрепила руль. Убедившись, что они мирно дрейфуют по волнам в полной безопасности, спустилась в каюту и вытащила на палубу пару мягких банкетов. Удобно устроившись в шезлонге и положив ноги на банкетку, она откинула голову на высокую спинку и расслабленно призналась:

– Какое блаженство. Шум моря и мягкое покачивание палубы... Ничего больше не надо...

Ее поза была столь призывной, что у Ника засосало под ложечкой. Чтобы избежать соблазна, он последовал ее примеру. Отодвинул свой шезлонг на безопасное от нее расстояние, закинул руки за голову, вытянул ноги и затаил, рассматривая виднеющуюся вдалеке узкую полосу берега.

Резкими голосами кричали пролетающие мимо чайки, судно равномерно покачивалось на невысоких волнах, навевая сон. Чувствуя, что глаза сами по себе закрываются, Ник попенял себе на слишком ранний подъем. Чтобы взбодриться, задал Джоанне пустой вопрос:

– Так что ты больше любишь: море или нельсоновский парк?

Она лениво ответила:

– А между ними разница небольшая, тем более что парк Нельсонов, по сути, упирается прямо в море. Если мы подойдем поближе к берегу, – она махнула в сторону видневшегося на горизонте высокого утеса, – то увидим парк и даже мансарду их дома. С нее, кстати, вполне можно любоваться закатом над морем. Феерическое зрелище...

Вспомнив багряный вчерашний закат и представив его отсветы в бесконечном пространстве воды, Ник вполне с ней согласился.

Начало пригревать солнышко, и он скинул с себя сначала куртку, а потом и тенниску. Джоанна сбегала вниз и обратно появилась уже в бикини, открыв свою точеную фигурку.

Сон тут же исчез, и Ник, спрятав глаза за темными очками, беспрепятственно изучал ее всю, начиная с гладких нескончаемых ног и заканчивая длинной лебединой шеей. Но, как каждого нормального парня, его больше всего привлекала женская грудь. Ее небольшие высокие груди так хорошо могли бы уложиться в чашечки его ладоней, что пальцы беспокойно задвигались, будто уже ощущая их упругость и тепло.

Почувствовав свою горячую, наливающуюся жаром мужскую плоть, Ник про себя раздосадованно констатировал, что вполне доволен до нужной Бэрду кондиции. Мысль, что в результате тот ничего не получит, приносила ему какое-то извращенное удовольствие. Это будет лишь его, Ника, наслаждение, и ничего больше. Он им не кукла на веревочке, чтобы вертеть так, как хочется...

Будто и не подозревая об эффекте, производимом на парня видом своего почти обнаженного тела, девушка по-кошачьи потянулась и предложила:

– Давай бросим якорь и перекусим чем бог послал.

Сомневаясь, что в их ситуации тот мог бы послать что-либо более существенное, чем яичница, Ник помог Джоанне спустить якорь, и они отправились вниз, в микроскопический кубрик.

На пяточок в четыре квадратных метра были втиснуты микроволновка, электрическая плитка на одну горелку, встроенный в стену небольшой холодильник и стол с двумя стульями из хромированной стали с кожаными сиденьями. Ник на правах гостя уселся за придвинутый к стене стол, а Джоанна принялась хлопотать, готовя обед.

Широко расставив ноги, чтобы устойчивее себя чувствовать, она вытащила из холодильника полуфабрикаты и засунула их в микроволновку. Через пятнадцать минут на столе, побивая все мыслимые рекорды скорости, красовались красная рыба с фасолью и шпинатом, сэндвичи с ветчиной и сыром, чай и несколько сладких булочек по-французски.

Удивленный гость попробовал рыбу. Она была вовсе не плоха, более того – ароматна и сочна. Пока они молча подкреплялись, яхту слегка покачивало, что придавало их трапезе несколько экстремальный характер. Закончив, Джоанна предложила:

– Если хочешь, можешь передохнуть в каюте. Белье я поменяла, так что можешь даже вздремнуть.

Он спросил как бы в шутку, но так и не сумев спрятать напряжение:

– А ты ко мне присоединишься?

Будто не поняв подтекста вопроса, Джоанна невинно объяснила:

– Увы, на яхте только одна каюта. Но я не люблю сидеть в трюме, здесь почти так же, как в обычном доме, разве что качает. Мне нравится на палубе. Особенно ночью при опущенных парусах. Безбрежное фиолетовое небо соединяется с такой же темной водой, в которой отражаются сияющие звезды, и непонятно, по морю ты плывешь или по небу... Но это слишком опасно – движение здесь очень оживленное и, несмотря на бортовые огни, на нас вполне может налететь какой-нибудь морской лайнер.

С этими словами она поднялась наверх, а Ник, чувствуя неприятную истому во всем теле и тяжелое, опустошающее вожделение, решил воспользоваться ее приглашением и зашел в каюту.

Она была невелика. Вдоль одной стены стояла привинченная к полу койка, вдоль противоположной разместился узкий деревянный шкаф для одежды и постельных принадлежностей. Стянув джинсы, Ник упал на кровать и улегся на живот, стараясь подавить напряжение в паху. Это было непросто, но опьянение от свежего ветра, соленой воды и вкусной пищи, а также ранний подъем сделали свое дело – и он уснул.

Открыв глаза, Ник долго не мог понять, приснился или нет ему страстный шепот, преследовавший его во сне. Яхта мерно покачивалась, и он наконец сообразил, что это всего лишь шорох волн, мягко ударявшихся о борт судна. Это открытие накрыло его невидимой, но вполне ощутимой волной разочарования, и он резко вскочил, стараясь разогнать охвативший его чувственный дурман.

Наверху кто-то ходил, ступая по деревянной палубе почти неслышно, как кошка. Джоанна... При одной мысли о ней потеплело на сердце, и он испугался своей неразумной реакции. Нельзя забывать, что это только игра. С обеих сторон. Правда цели у них разные, но сам процесс, похоже, приносит удовольствие обоим. Однако ему нужно быть начеку, чтобы это легкое удовольствие не переросло в нечто большее.

Зайдя в малюсенькую туалетную комнату, Ник быстро сполоснул лицо и взбежал наверх по металлическому трапу. Джоанна и впрямь ходила босиком по прогретой палубе, что-то тихо напевая себе под нос. Заслышав его шлепающие шаги, повернулась к нему с нежной улыбкой.

– Проснулся, соня? Это хорошо, потому что скоро вечер и нам пора в док.

Он помог ей сладить с парусами, и они, сделав оверштаг, с хорошей скоростью вернулись на пристань. Поручив яхту все тому же скептически поглядывавшему на них сторожу, забрали с автостоянки машину и поехали обратно в Ливерпуль. По дороге Ник предложил:

– Может, махнем в ресторан? Есть здорово хочется...

Чуть зарумянившись, Джоанна отказалась:

– Я в таких местах стесняюсь. Мне кажется, что все смотрят только на меня, и кусок в горло не лезет...

Ник несколько удивился. Почему-то в тот образ, что сложился в его голове, подобная патологическая застенчивость никак не вписывалась.

Не желая отказываться ни от Джоанны, ни от хорошей еды, он успокоил:

– Мы пойдем в «Прадо», там уютные кабинетики, и никто за тобой следить не будет...

Она покраснела еще больше, и он, внезапно догадавшись, о чем она подумала, рассмеялся.

– Да не буду я там к тебе приставать, вот еще! Если бы хотел, то занялся этим на яхте, там-то уж действительно никто не мог помешать...

Джоанна как-то враз погрузнела, потупив глаза, и он недоуменно пожал плечами. Все ей не так! Хотя, если она решила, что совершенно его не интересует, то ее реакция вполне понятна. Ей же от него нужна не контролируемая разумом страсть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.